

Графиня де Шарни

ТОМ 1

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 96

Alexandre Dumas
LA COMTESSE DE CHARNY

Перевод с французского
Элеоноры Шрайбер (предисловие, часть первая),
Елены Баевской (часть вторая)

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

Иллюстрации
Станислава Гудечека, Феликса Эмманюэля Анри Филиппотó,
Луи Поля Пьера Дюмона, Ипполита Белланже, Гюстава Жане,
Анжа-Луи Жане и других

Текст печатается по изданию:
Дюма А. Графиня де Шарни. М.: Вече, 2018.

Дюма А.
Д 96 Графиня де Шарни : роман : в 2 т. Т. 1 / Александр Дюма ; пер. с фр.
Е. Баевской, Э. Шрайбер. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА,
2026. — 768 с. : ил.

ISBN 978-5-389-32795-5 (т. 1)

ISBN 978-5-389-32170-0 (комплект)

«Графиня де Шарни» — историко-приключенческий роман Александра Дюма, автора «Трех мушкетеров», «Королевы Марго» и многих других всемирно известных произведений. События романа разворачиваются на фоне одного из самых бурных периодов истории Франции — Великой французской революции. Светское общество Парижа сталкивается с яростью толпы, старые порядки рушатся, уступая место новому, кровавому миру, где брат идет на брата, а тем, кто пытается сохранить честь и достоинство в хаосе перемен, грозит гибель...

В водоворот драматических событий, ворвавшихся в жизнь графини Андреа де Шарни, оказываются вовлечены многие реальные исторические деятели, в числе которых Людовик XVI и Мария-Антуанетта, принцесса Ламбаль, граф Калиостро, Мирабо, Лафайетт, а также персонажи Дюма, уже знакомые читателям благодаря романам «Жозеф Бальзамо», «Ожерелье королевы» и «Анж Питу».

Впервые в России роман печатается в сопровождении замечательных иллюстраций Станислава Гудечека, дополненных работами французских иллюстраторов конца XIX — начала XX века.

В первый том вошли первая и вторая части романа.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-32795-5 (т. 1)
ISBN 978-5-389-32170-0 (комплект)

© Е. В. Баевская, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

ПРЕДИСЛОВИЕ

Те из наших драгоценных читателей, что уже, так сказать, отдались нам во власть; те, что следуют за нами повсюду; те, коим хочется, даже в самых заблуждениях его, не расставаться с человеком, что, подобно нам, поставил себе столь любопытную задачу — перелистать, страница за страницей, историю французской монархии, — те, прочитав слово «конец» внизу последней части «Анжа Питу» в газете «Ла Пресс», а затем внизу последней страницы восьмого тома того же произведения в издании «Кабинета чтения», уже, должно быть, поняли, что произошла чудовищная ошибка, на которую мы рано или поздно прольем свет.

В самом деле, возможно ли поверить, что автор — прежде всего притязующий, пусть незаслуженно, на то, что умеет писать книги по всем правилам литературы, как архитектор притязает на то, что умеет строить дома по всем правилам строительной науки, а корабельщик на то, что умеет строить корабли по всем правилам кораблестроения, — вдруг бросит, так сказать, свой дом на третьем этаже или свой корабль на марса-рее.

Но именно такая участь и постигла бедного «Анжа Питу», коль скоро читатель всерьез принял слово «конец», возникшее в самом интересном месте, то есть в тот миг, когда король и королева готовятся уехать из Версаля в Париж; когда Шарни начинает замечать, что его очаровательная жена, на которую он в последние пять лет не обращал ни малейшего внимания, краснеет, встречаясь с ним глазами и касаясь рукой его руки; когда Жильбер и Бийо, воплощая собой один — народ эпохи, другой — ее гений, устремляют угрюмые взгляды в разверзшуюся перед ними революционную бездну, которую вырыли руки монархистов Лафайета и Мирабо, и, наконец, когда на пути из Виллер-Котре в Писле на коленях у бедняги Анжа Питу, скромного героя этой скромной истории, оказывается Катрин, лишившаяся чувств во время прощания с возлюбленным, который вдвоем со слугой уже несется галопом через поле в сторону большой дороги, ведущей в Париж.

А кроме того, есть в этом романе и другие действующие лица, пускай второстепенные, но мы уверены, что наш читатель и этим персонажам пожелал уделить частицу внимания, а мы, как известно, имеем привычку,

выведа героев на сцену, следить за ними, в какие бы туманные дали их потом ни занесло, причем сие касается не только главных героев, но и второстепенных, вплоть до ничтожных статистов.

Тут и аббат Фортье, несгибаемый монархист, который наверняка не пожелает преобразиться в конституционного священнослужителя и скорей пойдет на казнь, чем присягнет.

Тут и молодой Жильбер, в котором в то время словно соседствовали две противоборствующие натуры, два элемента, в течение десяти лет сплавлявшиеся между собой, — демократический элемент, унаследованный им от отца, и элемент аристократический, присущий ему благодаря матери.

Тут и г-жа Бийо, бедная женщина, прежде всего мать, слепая, как все матери; она только что оставила свою дочку на дороге и одна возвращается на ферму; она и сама очень одинока с тех пор, как уехал Бийо.

Тут и папаша Клуис в своей хижине в чаще леса; он еще не знает, сумеет ли из того ружья, что дал ему Питу взамен старого, стоившего ему двух или трех пальцев левой руки, подстреливать, как из прежнего, сто восемьдесят три кролика и сто восемьдесят два зайца в обычные годы и сто восемьдесят три кролика и сто восемьдесят три зайца в высокосные.

И наконец, тут и Клод Телье, и Дезире Манике, деревенские революционеры, — этих хлебом не корми, а дай во всем подражать революционерам парижским, но будем надеяться, что честный Питу, их капитан, майор, полковник — словом, начальник, будет руководить ими и держать их в узде.

Все сказанное может лишь укрепить читателя в его удивлении, возникающем при слове «конец», которое столь необъяснимым образом завершает последнюю главу, — ни дать ни взять древний сфинкс, усевшийся при входе в свое логово на дороге в Фивы и предлагающий беотийским путешественникам неразрешимую загадку.

Итак, сейчас мы все разъясним.

В недавнем времени газеты одновременно публиковали:

«Парижские тайны» Эжена Сю;

«Всеобщий символ веры» Фредерика Сулье;

«Мопра» Жорж Санд;

моих «Монте-Кристо», «Шевалье де Мезон-Ружа» и «Женскую войну».

Для романов с продолжением то было прекрасное время, но в смысле политики оно было не слишком удачно.

Кого в ту эпоху занимали первые лица Парижа, такие как г-н Арман Бертен, г-н доктор Верон и г-н депутат Шамболь?¹

¹ *Бертен Луи Мари Арман* (1801–1854) — французский журналист. *Верон Луи Дезире* (1798–1867) — французский публицист и политический деятель, по профессии врач. *Шамболь Франсуа Адольф* (1802–1883) — французский журналист. — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. перев.*

Никого.

И люди были совершенно правы: ведь от этих злополучных первых лиц ныне и духу не осталось, а значит, заниматься ими не стоило.

Все мало-мальски ценное рано или поздно всплывает на поверхность, неизбежно прибивается к какому-нибудь берегу.

И только одно-единственное море поглощает все, что в него швыряют, — это море смерти.

Судя по всему, именно в его воды угодили первые лица Парижа образца 1845, 1846, 1847 и 1848 годов.

Потом, заодно с этими первыми лицами Парижа, вместе с г-дами Арманом Бертенем, доктором Вероном и депутатом Шамболем туда же вперемишку побросали речи г-д Тьера и Гизо, Одилона Барро и Беррье, Моле и Дюшателя¹; и это огорчило г-д Дюшателя, Моле, Беррье, Барро, Гизо и Тьера ничуть не меньше, чем г-на депутата Шамболя, г-на доктора Верона и г-на Армана Бертена.

Зато, надо сказать, номера газет с «Парижскими тайнами», со «Всеобщим символом веры», с «Мопра», «Монте-Кристо», «Шевалье де Мезон-Ружем» и «Женской войной» читатели разрезали с величайшим тщанием; пробежав глазами поутру, их откладывали в сторонку, чтобы перечитать вечером; правда и то, что таким образом историки и просто люди узнавали историю; правда и то, что во Франции благодаря этим романам появилось четыре миллиона читателей; правда и то, что французский язык, с XVII века считавшийся языком дипломатии, в XIX веке стал языком литературы; правда и то, что писатель начал зарабатывать достаточно, чтобы сделаться независимым и ускользнуть из-под гнета аристократии и королевской власти; правда и то, что в обществе образовалась новая знать и новая власть — знать таланта и власть гения; наконец, правда и то, что в результате всего этого отдельные граждане стяжали такой почет, а Франция — такую славу, что было решено как можно энергичнее покончить с подобным положением дел, благодаря которому стал возможен подобный переворот и уважаемыми людьми во Франции стали люди, воистину заслуживавшие уважения, а признанием, славой и даже деньгами в стране стали пользоваться те, кто в самом деле был их достоин.

Итак, государственные мужи образца 1847 года замыслили, как я уже сказал, положить конец этому безобразию, но тут г-ну Одилону Барро, которому тоже хотелось, чтобы о нем заговорили, пришла в голову мысль не произносить более с трибуны своих превосходных и неподражаемых речей, а задавать скверные обеды в тех местах, где его имя еще пользуется почетом.

¹ Буржуазные политические деятели эпохи Июльской монархии (1830–1848).

Надобно было как-нибудь назвать эти обеды.

Во Франции считается не столь уж важно, подходят ли предметам их названия, были бы лишь названия.

Соответственно, обеды эти были наречены реформистскими банкетами.

Жил в Париже в ту пору человек, который прежде был принцем, потом генералом, затем был изгнан, в изгнании был учителем географии, после этого совершил путешествие в Америку, а после Америки поселился в Сицилии; далее, женившись на дочери короля Сицилии, вернулся во Францию, а когда он вернулся, король возвел его в ранг принца крови; и наконец, возведенный Карлом X в ранг принца крови, он в довершение всего сделался королем.

И вот этот принц, этот генерал, этот учитель, этот путешественник, этот король — одним словом, этот человек, которого бедствия и взлеты должны были многому научить, однако ничему не научили, — этот человек задумал помешать г-ну Одилону Барро задавать пресловутые реформистские банкеты и принялся упорствовать в этом своем намерении, не подозревая, что замахнулся на принцип; а между тем любой принцип дается свыше, и, значит, он сильнее всего, что исходит снизу, точно так же как всякий ангел в борьбе одержит верх над человеком, будь этот человек хоть Иаков¹, и само собой разумеется, что принцип снова одержал верх над человеком: Луи Филипп был посрамлен, несмотря на двойную череду царственных предков, на своих сыновей и внуков.

Ибо в Писании недаром сказано: «За вину отцов наказывают детей до третьего и четвертого рода»².

Эта история наделала во Франции столько шума, что на некоторое время всем стало не до «Парижских тайн», «Всеобщего символа веры», «Мопра», «Монте-Кристо», «Шевалье де Мезон-Ружа» и «Женской войны», а также, надо признаться, и не до их авторов.

Нет, все интересовались Ламартином, Ледрю-Ролленом, Кавеньяком и принцем Людовиком Наполеоном³.

Но когда в конце концов восстановилось относительное спокойствие, все спохватились, что эти господа куда менее занимательны, чем г-н Эжен Сю, г-н Фредерик Сулье, г-жа Жорж Санд и даже моя скромная персона,

¹ Имеется в виду библейская легенда о том, как патриарх Иаков во сне боролся с Богом (Быт. 32: 22–32).

² Вольное изложение библейского текста (Исх. 20: 5).

³ *Ламартин Альфонс Мари Луи де* (1790–1869) — французский поэт и политический деятель. *Ледрю-Роллен Александр Огюст* (1807–1874) — французский политический деятель. *Кавеньяк Луи Эжен* (1802–1857) — французский генерал, подавивший в июне 1848 г. восстание парижских рабочих. *Принц Людовик Наполеон* — племянник Наполеона I, будущий Наполеон III.

замыкающая этот ряд; когда публика спохватилась, что проза этих господ, кроме Ламартина, конечно (да воздастся каждому по заслугам!), изрядно уступает и «Парижским тайнам», и «Всеобщему символу веры», и «Монте-Кристо», и «Шевалье де Мезон-Ружу», и «Женской войне», тут она обратилась к г-ну де Ламартину, воплощению французской мудрости, с просьбой писать прозу, причем отнюдь не политическую, а также к прочим авторам, в том числе и ко мне, с призывом писать литературную прозу.

Мы тут же принялись за дело, и можете поверить, что уговаривать нас не пришлось.

Тут опять появились романы с продолжением, а первые лица Парижа снова канули в безвестность; и те же говоруны, что говорили до революции, а также после революции, вновь принялись говорить, не находя отклика, и говорить они будут вечно.

Среди всех этих говорунов был один, который чаще все-таки помалкивал.

Все были ему за это благодарны, и, когда он шел с ленточкой депутата, люди ему кланялись.

В один прекрасный день он поднялся на трибуну... О господи! Я хотел назвать вам его имя, да позабыл.

В один прекрасный день он поднялся на трибуну... Ах да, надо вам знать, что в Палате депутатов царило в тот день скверное настроение.

Незадолго до того Париж избрал своим представителем одного из тех людей, что писали романы с продолжением.

Я, кстати, помню, как звали этого человека.

Его звали Эжен Сю.

Итак, Палата пребывала в скверном настроении по поводу избрания Эжена Сю; ее скамьи и так уже пятнали своим присутствием четыре или пять писателей, и это было для нее невыносимой обидой.

Их имена — Ламартин, Гюго, Феликс Пиа, Кине, Эскирос¹ и т. д.

Итак, депутат, чьего имени я не упомяну, ловко воспользовавшись скверным настроением, царившим в Палате, взошел на трибуну. Все сказали: «Тсс!» Все навестили уши.

Он сказал, что роман с продолжением послужил причиной
убийства Генриха IV Равальяком;
убийства маршала д'Анкара Людовиком XIII;
убийства Фуке Людовиком XIV;
убийства Людовика XV Дамьеном;

¹ *Пиа Феликс* (1810–1889) — французский писатель, журналист и политический деятель. *Кине Эдгар* (1803–1875) — французский писатель, историк, философ. *Эскирос Анри Альфонс* (1814–1876) — французский писатель.

убийства герцога Беррийского Лувелем;
убийства Луи Филиппа Фьески
и, наконец, убийства жены г-на де Пралена ее собственным мужем¹.
Он добавил:

что все супружеские измены, все взятки и вымогательства, а также все кражи совершаются по вине романа с продолжением и что стоит лишь запретить его или подвергнуть цензуре, как люди в тот же миг образумятся и, вместо того чтобы продолжать идти к бездне, обратятся вспять, к золотому веку, который воцарится очень скоро, если человечество продолжает в обратном направлении столько же шагов, на сколько оно ушло вперед.

Генерал Фуа² однажды воскликнул: «Когда звучат слова „честь“ и „родина“, во Франции раскатывается эхо».

Да, это правда, такое эхо звучало во времена генерала Фуа, мы, умеющие говорить, слыхали его и очень рады, что мы его слыхали.

— Где это эхо? — спросят нас.

— Какое эхо?

— Эхо генерала Фуа.

— Там же, где ныне прошлогодний снег поэта Вийона³; быть может, когда-нибудь оно отыщется — будем уповать на это!

Во всяком случае, в тот день — а это отнюдь не был день генерала Фуа — на трибуне зазвучало другое эхо.

Странное это было эхо; оно говорило:

«Наконец пришло для нас время обескровить то, чем восхищается Европа, и продать по возможно более дорогой цене то, что всякое другое правительство, оказавшись оно на нашем месте, раздавало бы бесплатно, — гений».

Надо сказать, что это жалкое эхо говорило совсем не само за себя, а всего лишь повторяло слова оратора.

Палата, за немногими исключениями, эхом откликнулась на это эхо.

¹ *Равальяк Франсуа* (1578–1610) — убийца Генриха IV. *Маршал д’Анкр* (Кончини; ум. 1617) — итальянский авантюрист, фаворит Марии Медичи, супруги Генриха IV и правительницы Франции в малолетстве Людовика XIII. *Фуке Никола* (1615–1680) — генеральный контролер финансов при Людовике XIV, попал в опалу и кончил жизнь в тюрьме. *Дамьен Робер Франсуа* (1715–1757) — политический фанатик, неудачно покушавшийся на Людовика XV. *Лувель Пьер Луи* (1783–1820) — убийца герцога Беррийского Карла, наследника французского престола. *Фьески Джузеппе* (1810–1836) — террорист, неудачно покушавшийся на короля Луи Филиппа с помощью адской машины. *Прален Шарль Лор Юг Теобальд, герцог де Шуазель* (1805–1847) — французский аристократ, убивший жену, чтобы жениться на любовнице.

² *Фуа Максимильен Себастьян* (1775–1825) — французский генерал и политический деятель, выдающийся оратор либеральной оппозиции.

³ Посылка из знаменитой «Баллады о дамах былых веков» Вийона: «Где ныне прошлогодний снег?»

Увы! Вот уже тридцать пять, а то и сорок лет роль большинства заключается именно в этом. В Палате так же, как в театре, традиции играют подчас роковую роль!

И вот большинство согласилось с тем, что все кражи, все взятки и вымогательства, все нарушения супружеской верности совершаются под влиянием романов с продолжением; и что г-н де Прален убил свою жену; а Фьески убил Луи Филиппа; а Лувель убил герцога Беррийского; а Дамьен убил Людовика XV; а Людовик XIV убил Фуке; а Людовик XIII убил маршала д'Анкра, и, наконец, Равальяк убил Генриха IV исключительно под влиянием романов с продолжением, даже в тех случаях, когда сие происходило до рождения самого этого жанра.

Большинство согласилось, что необходимо ввести налог. Быть может, читатель не задумывался над тем, что такое налог, и задает себе вопрос, каким образом налог, то есть один сантим с экземпляра, может убить роман с продолжением?

Любезный читатель, один сантим с экземпляра, коль скоро роман ваш печатается в сорока тысячах экземпляров, — знаете, сколько это выйдет? Четыреста франков с каждого выпуска!

Это вдвое больше, чем платят авторам в тех случаях, когда их зовут Эжен Сю, Ламартин, Мери¹, Жорж Санд или Александр Дюма.

Это в три или в четыре раза больше, если автор носит имя, подчас весьма почтенное, но не столь модное, как те, что мы перечислили выше.

Итак, ответьте мне, оправданно ли с нравственной точки зрения решение правительства обложить товар налогом, вчетверо превосходящим действительную стоимость товара?

Тем более что оспаривается право нашей собственности на этот товар, то есть на наш талант.

В результате ни одна газета, даже самая дорогая, не в состоянии больше покупать романы с продолжением.

В результате чуть не все газеты печатают репортажи с продолжением.

Что вы скажете, любезный читатель, по поводу репортажей в «Конститюсьоннель»?

— Тоже мне чтение!

Что ж, вполне справедливо!

Вот именно, политикам только того и надо было, чтобы прекратились разговоры о литераторах.

Не говоря уж о том, что все это весьма способствует нравственному совершенствованию репортажа.

Мне, например, написавшему «Монте-Кристо», «Мушкетеров», «Королеву Марго» и т. д., предложили сочинить теперь «Историю Пале-Рояля».

¹ Мери Жозеф (1797–1866) — французский писатель, друг Дюма.

Вот вам приблизительный итог подобных новаций:
С одной стороны — «Репортаж об игорных домах».
С другой — «Репортаж о публичных домах»!

Мне, человеку, в общем-то, верующему, недавно предложили «Репортаж о преступлениях римских пап»!

Мне предложили... Не смею пересказывать все, что мне предложили за последнее время.

Все бы не беда, если бы дело ограничилось тем, что мне предлагают *делать*.

Между тем мне предложено кое-чего *не делать*.

Как-то утром я получаю от Эмиля Жирардена¹ такое письмо:

Любезный друг!

Желательно, чтобы «Анж Питу» занимал не шесть томов, а половину одного тома и чтобы в нем было не сто глав, а десять.

Уладьте дело на свое усмотрение и урежьте книгу сами, если не хотите, чтобы этим занимался я.

Черт побери, мне все стало ясно!

У Эмиля Жирардена в залежах его архивов сохранились мои «Мемуары»; ему охота издать «Мемуары», за которые не надо платить налога, вместо «Анжа Питу», за которого надо платить.

Таким образом, были отвергнуты шесть томов моего романа — зато напечатаны двадцать томов «Мемуаров».

Так-то вот, любезнейший и дражайший мой читатель, идея была загублена на корню.

«Анжа Питу» задушили точь-в-точь как императора Павла I — не за горло, а поперек живота.

Но вы знаете по моим «Мушкетерам», которых дважды уже считали мертвыми и которые оба раза воскресали, что моих героев задушить куда труднее, чем императора.

А посему с «Анжем Питу» вышло то же самое, что с «Мушкетерами». Питу, который и не думал умирать, предстанет перед вами вновь, и я прошу вас в нынешнее время, исполненное тревог и революций, зажигающих столько факелов и задувающих столько светильников, не числить моих героев усопшими, покуда не получите траурного извещения за моей собственноручной подписью.

Да и тогда...

¹ Жирарден Эмиль (1806–1881) — французский писатель, публицист и журналист.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

КАБАЧОК У СЕВРСКОГО МОСТА

Если читателю будет угодно ненадолго обратиться к нашему роману «Анж Питу» и, открыв второй том, заглянуть на мгновение в главу «Ночь с 5 на 6 октября», он обнаружит там несколько немаловажных подробностей, которые недурно было бы освежить в памяти перед тем, как приступить к настоящему повествованию, потому что оно начинается как раз с утра шестого числа того же месяца.

Мы процитируем здесь несколько строк из этой главы, имеющих важное значение, а потом как можно более сжато подытожим факты, коими необходимо предварить продолжение нашей истории.

Вот эти строки:

«Как мы уже сказали, в три часа все кругом стихло. Даже Национальное собрание разошлось, успокоенное рапортами приставов. Можно было надеяться, что до утра все будет спокойно.

Но не тут-то было.

Во время всех народных движений, ведущих к революциям, наступают такие передышки, когда кажется, что все уже позади и отныне можно спать спокойно.

Но это заблуждение.

За спинами тех, кто производит первые движения, прячутся те, кто ждет этих первых движений, ждет, когда передовой отряд удалится на покой, не желая идти дальше — быть может, от усталости, а то и удовлетворясь достигнутым.

И тогда эти невидимки, таинственные носители пагубных страстей, крадутся в потемках, возобновляют движение с того самого места, на котором оно застыло, и, толкая колесницу все дальше и дальше, к самому краю, готовят страшное пробуждение тем, которые проторили им дорогу и улеглись спать, полагая, что главное уже сделано и цель достигнута».

В книге, из которой заимствованы вышеприведенные строки, мы называли по именам троих из этих людей.

Позвольте же теперь вывести на сцену, то есть к дверям кабачка у Севрского моста, еще одно действующее лицо, которого мы до сих пор не назвали, хотя оно сыграло важную роль в событиях той ужасной ночи.

Это был человек лет сорока пяти — сорока восьми, одетый, как одеваются мастера, — в короткие бархатные штаны, прикрытые кожаным передником с карманами, наподобие тех, какие носят кузнецы и слесари. Он был в серых чулках и башмаках с медными пряжками, на голове у него было нечто вроде мехового колпака, напоминавшего вполонину укороченную уланскую шапку; из-под колпака выбивалась буйная седеющая шевелюра, пряди которой ниспадали до необыкновенно густых бровей и вкупе с ними укрывали от света дня большие, навывкате, глаза, живые и умные, с таким переменчивым, ускользающим взглядом, что невозможно было установить, какого они цвета — зеленые или серые, синие или черные. Кроме них, на его лице обращали на себя внимание нос размером крупнее среднего, мясистые губы, белые зубы и смуглый загар.

Человек этот, хоть и невысокого роста, был необычайно ладно скроен; запястья у него были тонкие, ступни маленькие, и, не будь его руки покрыты темным загаром, как у мастера, привычного к работе с железом, легко было бы заметить, что кисти у него невелики и даже изящны.

Но стоило поднять взгляд от кистей к локтям и еще выше, туда, где под засученными рукавами рубахи вырисовывались могучие мускулы, можно было разглядеть, что при всей своей мощи мускулы эти были обтянуты тонкой, нежной и даже аристократической кожей.

Человек этот стоял перед входом в кабачок у Севрского моста, и на плече у него висело двухзарядное ружье, богато инкрустированное золотом, на стволе которого читалось имя Леклера, оружейника, как раз входившего в самую моду у парижских охотников-аристократов.

Нас спросят, быть может, каким образом столь прекрасное оружие оказалось в руках у простого мастера. На это мы ответим, что в дни смуты — а мы, слава богу, видели, что это такое! — самое лучшее оружие попадает далеко не в самые холеные руки.

Человек этот около часу назад прибыл из Версаля и был великолепно осведомлен о том, что произошло, поскольку на вопросы кабатчика, подвавшего ему бутылку вина, которой он даже не почал, дал такие ответы.

Королева едет вместе с королем и дофином; в путь они пустились около полудня; поселиться они в конце концов решили во дворце Тюильри, а значит, отныне в Париже хлеба будет в досталь, потому что пекарь, пекарша и пекаренки в руках парижан.

А сам он, мол, ждет кортежа, чтобы поглазеть.

Это последнее утверждение было похоже на правду, хотя взгляд незнакомца с куда большим любопытством явно устремлялся в сторону Парижа, чем в сторону Версаля; это давало повод заключить, что он не счи-

тал себя обязанным давать полный отчет в своих намерениях достойному кабатчику, посмевавшему его расспрашивать.

Впрочем, спустя несколько минут любопытство его, казалось, было удовлетворено. На вершине холма, по которому взбиралась дорога, появился силуэт человека, одетого примерно так же, как он сам, и занимавшегося, судя по внешнему виду, тем же ремеслом, что и он.

Этот человек шагал, тяжело переставляя ноги, словно проделал уже долгий путь.

По мере того как он приближался, все легче было разглядеть его черты и догадаться о возрасте.

Он был примерно в тех же годах, что и незнакомец: можно было с уверенностью утверждать, что ему уже, как говорится в народе, сорок с большим хвостом.

Черты его лица свидетельствовали о заурядности, низких наклонностях и грубых замашках.

Незнакомец пристально вглядывался в него со странным выражением на лице, словно единым взглядом хотел оценить, много ли низости и злобы таится в сердце этого человека.

Когда мастеровому, шагавшему из Парижа, оставалось не более двадцати шагов до человека, поджидавшего его у кабачка, тот вошел в дом, плеснул из непочатой бутылки вино в два стакана, стоявшие на столе, и, подняв один из стаканов, приблизился к дверям.

— Эй, приятель! — окликнул он. — Погода студеная, дорога долгая; не пропустить ли нам вместе по стаканчику вина, чтобы поддержать силы да погреться?

Мастеровой, шедший из Парижа, огляделся по сторонам, словно желая убедиться, что приглашение относится именно к нему.

— Это вы мне? — спросил он.

— Кому же еще, скажите на милость? Тут больше и нет никого.

— И вы предлагаете мне стаканчик вина?

— А что такого?

— Вот оно что!

— Мы ведь одним ремеслом занимаемся, разве не так?

Мастеровой во второй раз глянул на незнакомца.

— Одним и тем же ремеслом могут заниматься какие угодно люди, — возразил он, — все дело в том, кто мастер, а кто подмастерье.

— Вот пропустим по стаканчику, побеседуем и все выясним.

— Что ж, будь по-вашему, — отозвался мастеровой, направляясь к дверям кабачка.

Незнакомец указал ему стол и кивнул на стакан.

Мастеровой взял стакан, заглянул в него с таким видом, словно налитое в него вино внушало ему некоторое сомнение, но сомнение его рас-

сеялось, когда незнакомец налил себе второй стакан до самого краешка, как и первый.

— Ну, — осведомился он, — мы, что ли, слишком гордые и гнушаемся выпить с тем, кому ставим выпивку?

— Да нет, ей-богу, напротив. За нацию!

Серые глаза мастерового на мгновение задержались на человеке, провозгласившем этот тост.

Потом он повторил:

— Да, черт побери, это вы хорошо сказали: за нацию!

И он одним духом осушил стакан. Затем утер себе губы рукавом.

— Ишь ты, ишь ты! — вырвалось у него. — Бургундское!

— Причем отменное, верно? Мне хвалили это питейное заведение; я завернул сюда по дороге и не раскаиваюсь. Да вы присядьте, приятель, в бутылке еще кое-что есть, а кончится бутылка, так в погребе найдется другая.

— Вот как, — отозвался мастеровой, — а что вы-то здесь делаете?

— Да видите, иду из Версаля, жду кортеж, хочу вместе с ним вернуться в Париж.

— Какой кортеж?

— Да какой же еще, если не тот, с которым король, королева и дофин возвращаются в Париж, а с ними придворные дамы и две сотни членов Собрании под охраной национальной гвардии и господина де Лафайета.

— Выходит, наш буржуа решился переехать в Париж?

— У него не было другого выхода.

— Так я и думал нынче ночью, в три часа, когда отправлялся в Париж.

— Ах так! Вы пустились в путь в три часа ночи и покинули Версаль?

И вам не любопытно было узнать, что там происходит?

— Отчего же, мне очень даже хотелось узнать, что будет с нашим буржуа, тем более что — не считите за хвастовство — мы с ним знакомы, да только сами знаете, работа прежде всего! Тут и жена, и дети, и кормить всю эту ораву надо, особенно теперь, когда королевской кузницы больше нет.

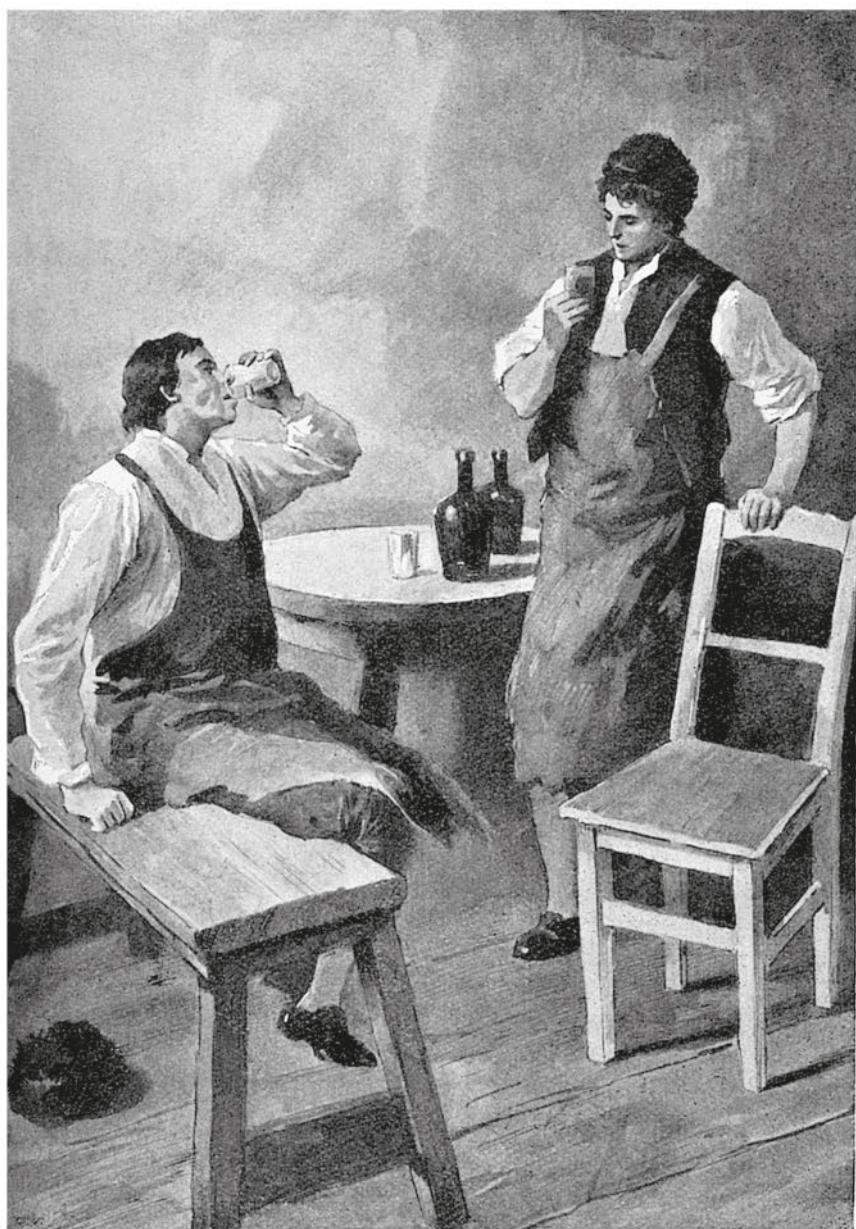
Незнакомец пропустил оба намека, никак на них не отозвавшись.

— Значит, в Париже вас ждала спешная работа? — продолжал он допытываться.

— Ну да, сдается мне, что так, да и заплатили недурно, — добавил мастеровой, позвеневав в кармане несколькими эю, — хотя со мною расплачивался простой слуга, что не слишком-то вежливо, да притом этот слуга еще и немец, так что с ним ни единым словом не перекинешься.

— А вы не прочь поболтать о том о сем?

— Да, чтоб мне провалиться! Если не злословить, то почему бы и не поболтать?

— А если и позлословишь, тоже не беда, верно?

Собеседники расхохотались, незнакомец при этом продемонстрировал белоснежные зубы, а мастеровой — гнилые.

— Итак, — подхватил незнакомец, который не торопясь, шажок за шажком, двигался в нужную сторону, — вы исполнили срочную работенку, за которую хорошо заплатили?

— Все так.

— Надо думать, трудная была работенка?

— Правда, трудная.

— Небось замок с секретом?

— Потайная дверь... Представьте себе дом внутри дома; если кому-нибудь придет нужда скрываться — понимаете, о чем я? — он там, но его как бы и нет. В дом звонят; слуга отворяет. «Хозяин? А его нет дома». — «Как бы не так. Здесь он!» — «Ищите, если угодно!» Те принимаются искать. Да только держи карман! Нипочем они не найдут. Железная дверь аккуратненько прикрыта деревянной резьбой, понимаете? Поверх двери они наткнутся на слой старого дуба, так что железо будет не отличить от дерева.

— А если простукать?

— Еще чего! Когда поверх железа слой древесины в два пальца толщиной, этого хватает, чтобы звук был повсюду одинаковый. Тук-тук, тук-тук... Знаете что, когда все было готово, я сам не мог найти это место.

— Где же, черт возьми, вы все это делали?

— Вот в том-то и дело!

— Не хотите говорить?

— Да нет, не могу, потому как и сам не знаю.

— Вам что же, глаза завязали?

— Вот именно! У заставы меня ждала карета. Мне сказали: «Вы такой-то?» — «Да», — говорю. «Хорошо. Вас-то мы и ждем. Садитесь в карету». — «Мне в карету?» — «Да». Сажусь, мне завязывают глаза, карета катит с полчаса, потом распахнулись ворота, большие такие ворота, я споткнулся о первую ступеньку крыльца, поднялся на десять ступеней, вошел в вестибюль; тут выходит немец-слуга, говорит остальным: «Отшпен корошо, ступайт фон, фы уше не нушны». Все, кроме меня, ушли. Он развязал мне глаза и показал, что надо делать. Я взялся за работу засучив рукава. За час все сделал. Мне заплатили полновесными золотыми луидорами, опять завязали глаза, усадили в карету и высадили там же, где подобрали, потом пожелали счастливого пути — и вот я здесь!

— И вы совсем ничего не видели, хоть краешком глаза? Черт побери, как туго ни завязывай глаза, всегда можно подглядеть в щелочку.

— Какое там!

— Да ладно вам скрытничать... Признайтесь, признайтесь, что подсматривали! — настойчиво произнес незнакомец.

— Ну, когда я споткнулся о первую ступеньку лестницы, я, воспользовавшись случаем, взмахнул руками и немножко сдвинул повязку.

— И когда вы сдвинули повязку... — с тою же настойчивостью подхватил незнакомец.

— Я заметил слева ряд деревьев и подумал, что дом стоит на бульваре, вот и все.

— Все?

— Честное слово, ничего больше!

— Это не слишком-то надежная примета.

— Еще бы: бульвары длинные, и от кафе Сент-Оноре до Бастилии много домов с большими воротами и крыльцами.

— Так что, вы бы не признали тот дом?

Мастеровой немного подумал.

— Нет, ей-богу, — сказал он, — это мне не под силу.

На лице незнакомца, избличавшем обычно только то, что он хотел показать, на сей раз отразилось удовлетворение.

— Подумать только, — неожиданно произнес он, словно направление его мыслей переменилось, — неужто в Париже уже слесарей не осталось, коль скоро люди, которым понадобились потайные двери, посылают за слесарями в Версаль?

Одновременно он до краев наполнил стакан своего собеседника и постучал по столу пустой бутылкой, давая понять хозяину заведения, что пора тащить полную.

АЛЕКСАНДР ДЮМА
ГРАФИНЯ ДЕ ШАРНИ
ТОМ 1

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова,
Валерия Макарова, Александра Сабурова
Корректоры Алиса Павлова, Светлана Федорова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.06.2026.
Формат издания 72 × 100 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 63,84. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru	Санкт-Петербург қ., «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-BHK-42111-01-R